

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ ВИДА В МЕСТНЫХ ГОВОРАХ

Предметом настоящего исследования был говор старообрядцев (семейских) Красночичкойского района Читинской области¹, который по своей исходной языковой системе относится нами к Курско-Орловской группе говоров южновеликорусского наречия.

В указанном говоре, как и в литературном языке, существует два вида глагола — совершенный и несовершенный, которые отличаются друг от друга по значению и морфологическому оформлению. Но на изучаемой диалектной территории многие глаголы, которые в нормированном языке прочно закреплены за каким-либо одним видом, в речи информаторов могут употребляться в значении то одного, то другого вида. В случаях отступления от привычного для нас употребления источником конкретного значения является не форма глагола, а ситуация речи, синтаксический контекст: сь ляпой стал тожа мне приметить (примечать); придеть бапка зы бяллё нас с табой рызганяить (разгонит, наругает); приходицца сматать удышьке (ср.: приходится сматывать и придётся смотать)² и др.

Глаголы подобного рода в зависимости от потребности выполняют в синтаксическом контексте функции глаголов несовершенного или совершенного вида. Заключение о виде языкового воплощения какого-либо действия делается на основании тех обстоятельств, в которых осуществляется внеязыковый факт. Этот внеязыковый факт при его языковом выражении не передается формой данных глаголов, а лежит в плане содержания, т. е. грамматическая форма подчиняется семантике высказывания. Как справедливо замечает Н. Некрасов, в русском языке «одна и та же форма может быть употреблена в различных значениях, смотря по смыслу или оборо-

ту речи... Форма русского глагола получает смысл какого-либо отвлеченного значения от строения целой речи, от смысла целого предложения, а не выражает его сама собою»³.

Указанная недифференцированность глагольных видов в говоре Красночичкойского района выражается в следующем. Некоторые приставочные глаголы, которые по нормам литературного языка должны иметь значение совершенного вида, употребляются в изучаемом говоре как глаголы несовершенного вида: дряхлѣя, три года как ни пайду (не хожу) у лес; искину век так усѣ и сыстаицца (стоит, существует); ѡа нигде ни пашла (никуда не ходила) и др. В приведенных примерах глаголы с точки зрения норм современного языка должны были бы иметь перфективное значение, однако же ситуация речи, в которой зафиксированы данные глаголы, и синтаксический контекст указывают на то, что эти глаголы имеют имперфективное значение. Формы совершенного вида используются для выражения длительности или повторяемости действия. Мы здесь имеем дело не с «морфологическим разграничением двух планов высказывания», здесь «отчетливо проводится только семасиологическое различие в значениях одних и тех же форм времени»⁴.

Гораздо больше в традиционной речи отмечено примеров, где результативное действие (нередко однократное), совершившееся до момента речи, передается формами глагола прошедшего времени несовершенного вида: сямейскѣй он, а сибирку брал (взял, женился); хырашо вушеба и идѣть, ны васьмѣй клас пирихадѣла (перешла) и др. Одним из свидетельств того, что глаголы в приведенных контекстах не имеют грамматического значения, выражаемого категорией несовершенного вида, является употребление их информаторами в качестве однородных членов параллельно с глаголами совершенного вида в ряде простых и сложных предложений, где с точки зрения норм современного языка они должны сохранять единство вида: шилавек траплялся (трафиться — встречаться); дятѣй вѣлитывали (вырастили); зывадѣли (завели) бигудѣ и ни магли заснуть; асудилия, сем лег присужали (присудили) штѣлы и др.

Особенность частичного смешения видов в речи семейских тонко подметил сибирский писатель О. Хавкин, показавший в повести «Нилка» жизнь красночичкойских старообрядцев. Ср. «Не скрипнул, не кашлянул, все крошки со стола сметал (смѣл — В. Б.), — ушѣл, дверь плотно притворил»⁵.

Следы былой видовой недифференцированности видны и.

в случаях употребления форм настоящего времени совершенного вида вместо форм настоящего несовершенного вида: нявески таперича ни дадуца (не даются); старьяа, три года ни пайду (не хожу) у лес и др. В данных синтаксических контекстах рассматриваемые формы не выражают будущего времени или какого-либо оттенка, связанного с будущим временем⁶. Известно, что уже в эпоху, отраженную в памятниках, за формами настоящего времени совершенного вида закреплялось значение будущего времени⁷. Видимо, форма настоящего — будущего типа «решу» способствовала смешению видов, немотивированной замене одного другим. В литературном языке указанное настоящее совершенного вида рассматривается как разновидность формы простого будущего времени. Эта форма семантически двойственна: в контексте реализуется то значение будущего, то настоящего. Ср.: «Жигь своею жизнью в среде неприязненной и пошлой, гнетушей и безвыходной, могут очень немногие: иной раз дух не вынесет, иной раз тело сломится» (А. Герцен. Былое и думы). Глаголы «не вынесет», «сломится» имеют значение настоящего времени обычного действия. Подобной замене форм совершенного вида несовершенным в краснотичкойском говоре способствовало значение будущего простого в данных синтаксических контекстах — обозначение результата действия безотносительно к моменту речи.

Такое «не строго проводимое» различие между формами совершенного и несовершенного вида приводит к тому, что в исследуемом диалекте часть глаголов совершенного вида совпадает с глаголами несовершенного вида в корневой или суффиксальной морфеме основы: девышка летысь канчялысь (кончилась, умерла) синакосым; пыднавать (подновить) пол нада; ана рубаху ни зыминяить (не заменит) на хлеб; пашто хлеба ты купляла (купила) тислыва и др. В подобных предложениях информаторы имеют в виду окончание указанного действия, но употребляют глаголы несовершенного вида, хотя из обстоятельств ясно, что речь идет о таких действиях, которые были (девышка канчялысь) или будут закончены (нада пыднавать) и др.

В последнем глаголе (купляла) суффикс — *ya/e*⁸ с общеславянским смягчением предшествующей согласной) очень близок по значению к суффиксу *-a* глаголов несовершенного вида. Отношение этого глагола (куплять) к купить = затворять: затворить, преломлять: ломить и т. д.⁹ С глаголами типа «купить» В. И. Борковский замечает, что они в древнем языке

еще не имели строго закрепленного значения вида и употреблялись, как правило, перфективно, но можно было встретить употребление их в значениях имперфектов¹⁰. Широкая возможность в древнерусском языке образовать от одних и тех же основ любую грамматическую форму времени, процесс «униформации основ» глагола, вероятно, не завершился в исследуемом диалекте, как и во многих русских говорах¹¹, отсюда — использование одинаковых или очень близких основ для выражения значений совершенного и несовершенного вида¹², т. е. сохранение глаголом в говоре значительных пережитков нерасчлененности семантики в сфере категории вида.

На явление частичного смешения видов в свое время указывал П. Я. Черных¹³. Однако формы глаголов, у которых различие совершенного и несовершенного вида строго не проводится, отнести на счет сибирских диалектизмов нет оснований, так как это явление фиксируется исследователями не только в говорах Сибири, но и на европейской лингвистической территории России¹⁴. Очевидно, это общерусская особенность, на разработку которой недостаточно обращали внимания исследователи при описании того или иного говора.

В краснотойском говоре сохранилось архаическое употребление глаголов прошедшего времени совершенного вида вместо современного настоящего несовершенного вида: где грябёт коньчился, стайала буряскийя йўртушька; микишайчий (Никиты) дом стайть, где кашёнка (Качонка — речка) упала у чикой; куда тьяврунул малханский хрябёт, у той места шол барон и др. Явление свидетельствуется многочисленными примерами. Широкое распространение подобных глагольных форм находим в географических описаниях в памятниках XV—XVII вв. Возможно, прав был Р. Ружичка, относя подобные случаи к особой семантической области употребления видов: «Вероятно, речь идет лишь о стилистическом использовании вида, однако и это характерно, т. к. в современном русском языке возможность стилистического употребления совершенного вида в подобных случаях отсутствует»¹⁵.

Видовая дефективность в говоре Краснотойского района Читинской области представляет собой, видимо, следы пережитков старины в области видо-временной системы глагола, когда система видо-временных форм еще не достигла конечного этапа своего развития. В древнерусском языке категория вида была менее четкой, чем в настоящее время, поэтому и могла употребляться одна и та же основа для выражения обоих видов. От одних и тех же основ можно было образовать

любую временную форму. На пережитки былой недифференцированности в древних памятниках славянской письменности указывали многие исследователи, в частности А. А. Петенбня¹⁶ и Г. К. Ульянов¹⁷.

В материнском языке курских саянов указанное явление не фиксируется диалектологами, возможно, оно ускользает от внимания исследователей в силу его слабой очерченности, недостаточного распространения и т. д. Тем не менее в личных материалах автора настоящей статьи имеется несколько примеров, записанных на Курско-Белгородской земле. Ни йаму дык деткам патом эта атамьстяицца (отомстится); Посьле свадьбе ни рас ни пашол (не ходил) к ним; Никагда горат на дяреуню ни заминяит (не заменит).

Остатки старых форм (как и новообразования, возникшие на диалектной основе) объясняются законом неравномерного развития языка, в результате действия которого те или иные старые формы могли сохраниться в определенных говорах, застыть на более ранней ступени. Сохранение их в говоре Красночичкойского района объясняется изолированностью последнего от основной территории великорусской народности. Архаические формы в диалекте выступают как показатели исторического единства языка¹⁸.

Примечания

¹ Описание говора см в статье «К характеристике говора Красночичкойского района Читинской области». Уч зап. Читинского пединститута, Чита, 1969.

² По техническим причинам примеры даются в упрощенной транскрипции.

³ Н. Некрасов. О значении форм русского глагола, Спб., 1865, стр 29—31.

⁴ Н. С. Поспелов. О глагольных формах времени в русском языке «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 18.

⁵ О. Хавкин. Нилка, М., 1965, стр. 20.

⁶ А. В. Бондарко. Система глагольных времен в современном русском языке. «Вопросы языкознания», № 3, 1962, с. 27—29.

⁷ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 238.

⁸ По техническим причинам ять заменяется е.

⁹ Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рүзского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 179.

¹⁰ В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XII—XIV вв. Известия Крымского пединститута, т. 9, 1940, стр. 150—151.

¹¹ В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. ИОРЯС АН, т. 17, кн. 2, Спб., 1912, стр. 134; В. В. Светлова. Особенности глагольных форм в некоторых говорах восточных районов Свердловской области Уч зап. Тюменского пединститута, вып. 1 1960

и др.; О. Г. Сальникова. Вид глагола в среднеуральских говорах. Уч зап МГПИ им. В. И. Ленина, 1964.

¹² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. 4, М.—Л., 1941, стр. 53 и др. В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 42.

¹³ П. Я. Черных. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке-Горбунке» П. П. Ершова. Иркутск, 1924, стр. 9.

¹⁴ М. А. Новгородов. Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильского населения Дадского р-на Латвийской ССР. Уч. зап. Даугавпилсского пединститута, вып. I, серия гуманитарных наук. Даугавпилс, 1958.

¹⁵ Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести временных лет», гл. XI, цитир. по сб. «Вопросы глагольного вида» под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962, стр. 318.

¹⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 48 и др.

¹⁷ Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, т. 2. Варшава, 1895, стр. 139 и др., 170 и др.

¹⁸ См. статью Г. В. Дениевича в настоящем сборнике.
